

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

Е. И. МЯСНИКОВ

(Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия)

ORCID ID: 0000-0002-7764-343X

УДК 821.161.1-32(Достоевский Ф. М.)

DOI 10.26170/2306-7462_2021_04_01

ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)5-8,444

МЕНИПШЕЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БОБОК»: ОПЫТ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация: В данной работе я проанализирую менипшею Ф. М. Достоевского «Бобок» и представлю свою интерпретацию идеи и отдельных деталей. В ней не будет разбора реминисценций и отсылок к другим произведениям: эту сферу текста досконально проанализировали другие исследователи. Однако мне необходимо дать краткий пересказ, дабы исключить недопонимания в трактовке самих событий в менипшее. Также важно отметить, что «Бобок» – абсолютно цельный и самодостаточный художественный текст. Поэтому его анализ будет приведён отдельно от триптиха, выделенного некоторыми исследователями творчества Ф. М. Достоевского (он включает в себя, помимо данного произведения, «Кроткую» и «Сон смешного человека»).

Ключевые слова: двоемирие; священное молчание; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; рассказы; литературные сюжеты; менипшея.

Менипшея начинается с небольшого предисловия, в котором писатель уверяет, что «Записки одного лица» не его собственные: «Это не я; это совсем другое лицо» (41)¹. На самом деле, подозрительное введение. Заглавие уже указывает, что записки «одного лица». И данное подозрение не беспочвенно. Текст наполнен указаниями на современность и современников Ф. М. Достоевского: рассуждение о портрете автора записок – ответ Л. К. Панютину на его заметку в журнале «Голос» 1873 года; «Припоминается мне испанская острота, когда французы,

---

¹ Здесь и далее цит. по: [Достоевский 1980: XXI, 41-54] с указанием страниц в тексте статьи.

два с половиною века назад, выстроили у себя первый сумасшедший дом...» (42) – о здании Бисетр, которое стало госпиталем, действительно два с половиною века назад, в 1633 году; разговоры о Боткине, Экке и Шульце, которые были популярны в то время и т.д. Даже не зная фактов, читатель интуитивно понимает, что упрёки Ивана Ивановича направлены на общество Фёдора Михайловича; а В. А. Туниманов вообще считает литературную позицию «одного лица» тождественной позиции Ф. М. Достоевского [Достоевский 1980: XXI, 403].

Однако перейдём к тексту. Читатель с самого начала узнаёт, что Иван Иваныч, от лица которого написаны записки, постоянно пьян, за что осуждён окружением. Да и не только за это: кто-то его даже приписал к умалишённым из-за его вида на портрете. Но и Иван Иваныч не остаётся в долгу: попрекает общество к месту и не к месту. Говорит, что и юмор, и «хороший слог уже исчезают» (42). Хотя, если посмотреть на слог «Записок», он тоже далёк от высокого: «Покойник добывал, ну а теперь пенсиониска. Подожмут хвосты» (43).

Повествование начинается с того, что автор записок задумывается о своём состоянии, замечает, что «и характер меняется, и голова болит»: «Я начинаю видеть и слышать какие-то странные вещи. Не то чтобы голоса, а так как будто кто подле: “Бобок, бобок, бобок!”» (43). Иван Иваныч решил развлечься, но попал на похороны своего дальнего родственника.

При описании кладбища автор записок скорее обращает внимание на материальную сторону: отмечает, что и «покровы разных цен» (43), и церковнослужители имеют с этого доход. Примечательно, что слово «дух» в одном маленьком абзаце употребляется три раза и один раз в составе слова, образованного от него («Не желал бы быть здешним духовным лицом» (43)). В контексте понятно, что в тех трёх словах речь идёт о «духе» в смысле запаха. Однако слишком уж сильно делается упор на слово, чтобы проигнорировать его смысл, связанный с душой. Кстати говоря, дальше из текста мы видим объяснение «вони»: один из персонажей уверен, что резкий запах связан с нравственным разложением. Но об этом позже.

Автор продолжает оценочно описывать кладбище: выделяет,

что есть три разряда могил, из которых третий – самый дешёвый, относительно двух других, находящихся в церкви и под папертью. Именно на третьем разряде и будет проходить основное действие.

После просмотра могилки Иван Иванович пошёл в ресторан, где «много заметил веселости и одушевления искреннего» (43). Эти «проводящие» будто и не скорбели по усопшим. Может, они просто не воспринимали смерть серьёзно.

Кстати, читателю, хоть и косвенно, через поступки, но передано отношение Ивана Ивановича к умершим. Во-первых, он садится на памятник, когда остаётся на кладбище один. Достаточно неуважительный поступок. Во-вторых, он не чувствует никакого трепета перед мертвецами: единственно, он заглядывает в их лица с осторожностью из-за своей впечатлительности (ему снятся их улыбки). Таким образом, нам становится понятно, что автор записок не предрасположен осмысливать человеческую смерть как акт метафизический, как обряд инициации. Но при этом, Иван Иванович достаточно суеверный человек. На данный факт указывает его размышление о скинутом им недоеденным бутерброде: грех это или нет.

Дальше автор записок прилёт на памятнике и начал слышать голоса погребённых мертвецов. Разговоры их совершенно беспечны: они играют в преферанс по памяти, вспоминают свою земную жизнь и иногда даже забывают вовсе, что умерли. Эта несерьёзность указывает и на то, что они не были готовы к смерти. Для них будто и не было процесса умирания, а только мгновенная смерть, которая их перенесла на новый этап существования. И, действительно, из реплик персонажей мы можем понять, что некоторые умерли неожиданно, конечно же, по их убеждению: «... я от осложнения, и так внезапно!» (47). В записках практически нет людей, которые относятся к смерти должным образом: начиная с автора записок, заканчивая большинством мертвецов. Почти весь художественный мир «Бобка» оказывается «... еретическим и кощунственным относительно “тайнства” смерти, бесмертия души, тайнства бытия...» [Поддубная 1991: 185].

Из разговоров становится понятно, что после погребения, через несколько дней люди будто «просыпаются» и начинают

говорить. Притом не совсем понятно, от чего зависит то, сколько молчат «новенькие» и сколько они потом находятся в бодрствовании: «Даже и третьеводнишние еще не очнулись ... сами изволите знать, иной раз по неделе молчат...» (47). Хотя этот факт особо никого не интересует, все заняты обыденным обсуждением повседневности или знакомством с новопривышными.

Но вот в разговор встречается Пётр Петрович Клиневич и утверждает новый порядок «на... уже разумных началах» (52). После того, как он разоблачает всех мертвецов в их грехах, в их развратности, восклицает: «Довольно! ... я вижу, что материал превосходный ... Главное, чтобы весело провести остальное время...» (51). Пётр спрашивает про положение дел у Лебезятникова, на что тот пересказывает теорию Платона Николаевича: что смерть ещё, на самом деле, не пришла, а это время, которое отведено каждому своё («месяца два или три... иногда даже полгода» (51)), дано для переосмысления жизни и спасения своей души. Но никто к этой теории не прислушивается, и все мертвецы во главе с Клиневичем утверждают бесстыдство как основной принцип поведения до окончательной смерти. Для них время – не шанс искупить свои грехи, подготовить свою душу к упокою; для них – это попытка ухватиться за свою земную жизнь, сделать всё, чего раньше стыдились: «Долой веревки, и проживём эти два месяца в самой бесстыдной правде! Заголимся и обнажимся!» (52).

Несмотря на тот факт, что Ф. М. Достоевского античная культура не занимала¹, имя «доморощенного» философа отсылает нас к древнегреческому не просто так. В философии Платона любое живое существо на протяжении всей жизни стремится к своему, так называемому, «эйдосу» – прообразу нас самих, нашей сущности из мира идей, и только после смерти мы можем максимально к нему приблизиться, но не достичь (единственный, кто соответствует своему эйдосу – Бог). Может быть, это время до окончательного забвения дано не для исправления

---

¹ Л. П. Гроссман отмечает: «... никакого интереса к латинскому языку и римской литературе великий писатель никогда не проявлял...» [Гроссман 1965].

себя, а для осознания своей души. Ведь в записках нет ни одного персонажа, кто встал бы на другой путь, изменил своё отношение к жизни: развитие состоит только в том, что люди перестают стесняться и начинают раскрывать свои пороки, не тая: «... мне давно уже... нравилась мечта о блондиночке... лет пятнадцати... и именно при такой обстановке...» (51).

После крика «обнажимся» следуют реплики трёх персонажей, которые повторяют одно и то же на протяжении всех записок: «... я не хочу к Эку!»; «... я бы пожил...»; «Хи-хи-хи» (52). Но на кладбище есть ещё один человек, который говорит только одну фразу – «бобок» – прямой его реплики в записках нет, и в конце он не кричит радостно вместе со всеми. Хотя, именно это слово Ивану Иванычу слышалось ещё до прихода на кладбище. Последняя реплика с кладбища дана простолюдину: «Воистину душа по мытарствам ходит!» (53). Слова этого простолюдина дают оценку с другой стороны, со стороны сознания, которое не развращено высшим светом. Для него всё происходящее – мучение души, трудности, которые нужно преодолеть до Суда. Кстати говоря, в тексте присутствуют почти все двадцать мытарств. Вдруг Иван Иванович чихает, и всё рассеивается. Он обещает себе прийти снова: «Авось наткнусь и на утешительное» (54).

Итак, предстоит ответить на два главных вопроса: каким образом автор записок смог подслушать разговоры умерших, и что же значит слово «бобок»?

Отвечая на первый вопрос, стоит обратить внимание на трактовку, согласно которой Иван Иванович просто увидел сон (или он сумасшедший и просто видит галлюцинации). Это лишь объяснение, которое удерживает текст на плаву в фактической реальности. Но истинно-художественные произведения отличны именно своей дву/многоплановостью. Исследователь фантастического в литературе обратил внимание на странную формулировку: «... всё смолкло, *точно* на кладбище, исчезло, *как* сон» (53), однако не продолжил развитие мысли, не пояснил выбор именно такого описания [См.: Захаров 2016: 19]. Иван Иваныч, опомнившись, забыл, где он находится. Но от чего он очнулся, если из текста понятно, что это был не сон? В поэтике Ф. М. Достоевского фантастическое – не грёзы и

не галлюцинации. Фантастическое в творчестве писателя – сущность, выявленная и олицетворённая; бытие вместе со своей тайной. Поэтому ответ, в этом случае, один – автор записок *действительно* прилёг на могильную плиту, словно на порог между миром живых и миром мёртвых, и *действительно* услышал, что происходит по ту сторону.

Тема двойника фигурирует во многих произведениях Ф. М. Достоевского, причём на протяжении всего творчества, а не в какой-то определённый период. Рене Жирар в своём исследовании «Достоевский: от двойственности к единству» подробно разбирает эту тему: в четвертой главе «Воскресение» он приходит к выводу, что сама «подпольная психология представляет перевернутую картину христианской структуры, точно как ее двойник» [Жирар 2017: 132]. Внешне мир мертвецов похож на «двойника» мира живых, но по своему смыслу он – диалектическое продолжение живого общества. Все черты умерших остаются с ними и развиваются по инерции, не меняя вектора. Это отличает мениппею от остального творчества писателя: при видимой двойственности, в сущности, её нет – есть лишь единство, показанное в своём развитии, в переходе на следующий логический уровень.

Автор записок начинает разбирать слова мертвецов именно в тот момент, как очнулся: «Очнулся, присел и стал внимательно вслушиваться» (44). Но что он делает перед этим? Он скидывает бутерброд с могильного камня и на секунду задумывается: грех это или нет. Довольно нелепый момент с этим бутербродом, но он нужен для понимания дальнейшего. Эпизод, как пишут Р. Милнер-Галланд и О. Соболева, переносит нас в сферу фольклорных поверий [См.: Милнер-Галланд, Соболева 2012]. По представлениям, сложившимся ещё у славян, душа после смерти человека 40 дней ходит по мытарствам, но находится она на земле (три дня в доме, потом четыре во дворе и до сорокового дня на земле). Перемещение связано с тремя этапами прощания с душой усопшего, проводами. Данный процесс важен, чтобы покойник не вернулся: у южных славян, например, считалось, что неуспокоенные становятся вампирами. Так объясняется загадка с «пробуждением» после смерти; окончательным пере-

ходом в мир иной и со временем, которое требуется для каждого своё: никто не следует традиции поминания.

Но что же значит странное слово «бобок»? Ничего. Это слово – акт сигетики (сигетика – философская концепция, логика молчания); хотя, более уместно его определить как священное безмолвие. Исихазм, воплощённый в одном человеке: «В сознании самой традиции, исихастский подвиг никогда не мыслился как закрытый эзотерический культ, удел кружка избранных и род некой духовной экзотики и эксцентрики. Он был не чем иным как осуществлением бытийного призвания человека» [Хоружий 2004]. «Бобок» одновременно и высказывание, потому что им передан смысл, а именно – отношение к смерти (отрешение от всего мирского, в частности, от своих «соседей»), и молчание, потому что оно ничего не обозначает. Кэрл Аполлонио пишет о персонажах Ф. М. Достоевского: «... чтобы *прозреть*, герой должен *замолчать*» [Аполлонио 2020: 15. Курсив автора. – Е. М.]. Но это безмолвие перед познанием у писателя обычно обозначено действием, немим жестом; а в мениппее герои представлены лишь своими словами, поэтому такая возможность отсутствует. В данном случае, чтобы передать молчание, нужен был другой инструмент, и короткое слово без понятия подошло. Несмотря на кажущееся противоречие, молчание и слово не противопоставляются друг другу. Михаил Эпштейн точно обосновывает это утверждение: «... у молчания, и у речи есть общий предмет» [Эпштейн 2005].

Но какое отношение к смерти слово утверждает? Реплики всех остальных мертвецов в записках показывают их пренебрежение, так как их слова обыденны и пошлы. А слово «бобок» – пусто. Оно показывает смиренность перед смертью, принятие её. И слышится странное слово Ивану Иванычу, так как это отношение единственно правильное (как минимум для самого Ф. М. Достоевского, чью кротость отмечал в своём биографическом очерке Евгений Соловьёв [Соловьёв 2015]).

Молчание, на самом деле, не является пустотой, особенно для писателя. Молчание – это, скорее, процесс созревания, зарождения. И в таком состоянии художник выбирает тему, форму, смысл высказывания, в отличие от обычных людей, которые

готовы говорить о погоде, о соседях, о домашних делах: «... но лишь философ, художник, поэт выбирает в этой тьме чему родиться» [Дугин 2020].

И когда Ф. М. Достоевский, известный своей романной широтой, выпускает относительно короткое, лаконичное произведение, исследователям не следует воспринимать его поверхностно. Напротив, нужно понимать, что писатель смог скрыть в этой миниатюрной мениппее всю ту глубину мысли, гармонизирующую с высокой художественностью, которую он доселе разворачивал и расстилал перед читателем.

Таким образом, «Бобок» Ф. М. Достоевского – не только социальная сатира на общество, но многогранный и вместительный текст, к которому можно подойти с многих позиций, и везде найдётся вполне убедительные аргументы в пользу определённых трактовок. «Бобок» насыщен неопределённостями, поэтому нельзя рассматривать творение Фёдора Михайловича только как нравоучительное произведение в духе классицизма; если бы он стремился к дидактике, то прибегнул бы, например, к эксплицитному читателю. Ведь, как доказала литературовед Е. И. Ляпушкина, «автор тем самым обеспечивает себе возможность контролировать осмысление текста» [Ляпушкина 2019: 87]. Но таких и подобных литературных приёмов в тексте нет, поэтому он требует герменевтического метода анализа. Это и делает мениппею, как писал Михаил Михайлович Бахтин, одной из «величайших... во всей мировой литературе» [Бахтин 2020: 160]. А «микрокосмом творчества» можно её назвать хотя бы потому, что в произведении выражена главная, как точно её определил Д. С. Мережковский, тема творчества Достоевского: «глубины души человеческой... бездны духа» [Мережковский 2021: 181] – людская натура, доведённая до черты, на первый взгляд, невозможная, но более реальная, чем кажется.

ЛИТЕРАТУРА

Аполонио К. Секреты Достоевского: чтение против течения. СПб. : Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. 320 с.

А. С. Пушкин и метафизика русской истории : [лекция] / А. Г. Дугин. [Электронный ресурс] URL:

<https://www.youtube.com/watch?v=XcEM147LbUs> (дата обращения 13.09.2021).

Гроссман Л. П. Достоевский. М. : Молодая гвардия, 1965. 605 с.

Бахтин М. М. Поэтика Достоевского // Бахтин М. М. Избранное : в 2 т. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2020. Т. 2. Поэтика Достоевского. 512 с.

Достоевский : Его жизнь и литературная деятельность. Биограф. очерк / Е. Соловьёв; Сост. оформ. : Н. Ю. Бернова, Е. А. Гавриков. М. ; Томск : Нате, ТомСувенир, 2015. 287 с.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1980. Т. 21 : Дневник писателя 1873; Статьи и заметки 1873-1878.

Жирар Р. Достоевский : от двойственности к единству. М. : ББИ, 2017. 162 с.

Захаров В. Н. Фантастическое : аксиомы, парадоксы, проблемы // Проблемы исторической поэтики. 2016. №4. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fantasticheskoe-aksiomy-paradoksy-problemy> (дата обращения: 30.05.2021).

Ляпушкина Е. И. Введение в литературную герменевтику : Теория и практика. М. : Группа Компаний “РИПОЛ классик” / “Панглосс”, 2019. 255 с.

Мережковский Д. Собрание сочинений: В 20 т. М. : Дмитрий Сечин, 2021. Т. 10. Л. Толстой и Достоевский: Исследование / Подгот. текста, послесл. Е.А. Андрущенко; примеч. Е.А. Андрущенко при участии Н.Г. Андрущенко. 816 с.

Милнер-Галланд Р., Соболева О. Что происходит в рассказе «Бобок»? // Вопросы литературы. 2012. № 4. С. 293-312.

Поддубная Р. «Действительность идеала» в малой прозе «Дневника писателя» // Достоевский. Материалы и исследования. Л. : Наука, 1991. Т. 9. 304 с.

Туниманов В. А. Комментарии : Ф. М. Достоевский. Дневник писателя 1873; Статьи и заметки 1873-1878. VI. Бобок // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1980. Т. 21. С. 402-411.

Хоружий С. С. Русский исихазм : черты облика и проблемы изучения // Исихазм. Аннотированная библиография. / под общ. и науч. ред. С. С. Хоружего. М. : Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004. С. 550-559.

Эпштейн М. Н. Слово и молчание в русской культуре // Звезда. 2005. №10. [Электронный ресурс] URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2005/10/slovo-i-molchanie-v-russkoj-kulture.html> (дата обращения: 13.09.2021).

REFERENCES

Apollonio K. Sekrety Dostoevskogo: chtenie protiv techeniya. SPb. : Academic Studies Press / BiblioRossika, 2020. 320 s.

A. S. Pushkin i metafizika russkoy istorii : [leksiya] / A. G. Du-gin. [Elektronnyy resurs] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XcEMl47LbUs> (data obrashcheniya 13.09.2021).

Grossman L. P. Dostoevskiy. M. : Molodaya gvardiya, 1965. 605 s.

Bakhtin M. M. Poetika Dostoevskogo // Bakhtin M. M. Izbrannoe : v 2 t. M. ; SPb. : Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2020. T. 2. Poetika Dostoevskogo. 512 s.

Dostoevskiy : Ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'. Biogr. ocherk / E. Solov'ev; Sost. oform. : N. Yu. Bernova, E. A. Gavrikov. M. ; Tomsk : Nate, TomSuvenir, 2015. 287 s.

Dostoevskiy F. M. Poln. sobr. soch. : v 30 t. L. : Nauka, 1980. T. 21 : Dnevnik pisatelya 1873; Stat'i i zametki 1873-1878.

Zhirar R. Dostoevskiy : ot dvoystvennosti k edinstvu. M. : BBI, 2017. 162 s.

Zakharov V. N. Fantasticheskoe : aksiomy, paradoksy, problemy // Problemy istoricheskoy poetiki. 2016. №4. [Elektronnyy resurs] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fantasticheskoe-aksiomy-paradoksy-problemy> (data obrashcheniya: 30.05.2021).

Lyapushkina E. I. Vvedenie v literaturnuyu germeneytiku : Teoriya i praktika. M. : Gruppya Kompaniy "RIPOL klassik" / "Pangloss", 2019. 255 s.

Merezhkovskiy D. Sobranie sochineniy: V 20 t. M. : Dmitriy Sechin, 2021. T. 10. L. Tolstoy i Dostoevskiy: Issledovanie / Podgot. teksta, poslesl. E.A. Andrushchenko; primech. E.A. Andrushchenko pri ucha-stii N.G. Andrushchenko. 816 s.

Milner-Galland R., Soboleva O. Chto proiskhodit v rasskaze «Bobok»? // Voprosy literatury. 2012. № 4. S. 293-312.

Poddubnaya R. «Deystvitel'nost' ideala» v maloy proze «Dnevni-ka pisatelya» // Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya. L. : Nauka, 1991. T. 9. 304 s.

Tunimanov V. A. Kommentarii : F. M. Dostoevskiy. Dnevnik pisatelya 1873; Stat'i i zametki 1873-1878. VI. Bobok // Dostoevskiy F. M. Poln. sobr. soch. : v 30 t. L. : Nauka, 1980. T. 21. S. 402-411.

Khoruzhiy S. S. Russkiy isikhazm : cherty oblika i problemy izucheniya // Isikhazm. Annotirovannaya bibliografiya. / pod obshch. i nauch. red. S. S. Khoruzhego. M. : Izdatel'skiy Sovet Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi, 2004. S. 550-559.

Epshteyn M. N. Slovo i molchanie v russkoy kul'ture // Zvezda. 2005. №10. [Elektronnyy resurs] URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2005/10/slovo-i-molchanie-v-russkoj-kul'ture.html> (data obrashcheniya: 13.09.2021).